

Ли Жун покосился на застывшего с открытым ртом Цзянь Фу и с нескрываемым пренебрежением бросил:

— Ты же сам обо всём догадался. Чего теперь прыгаешь?

Цзянь Фу с трудом сглотнул и растерянно пробормотал:

— Да нет же... Откуда ты узнал, что я знаю?

Ли Жун лишь молча закатил глаза и обречённо покачал головой. Собеседник невольно поёжился и пробормотал под нос:

— Ну и пугаешь же ты иногда. Слава богу, что я тебе не враг.

Ему казалось, что он отлично маскировался и обсуждал свои подозрения только по секрету с Линь Цинем. К тому же в последнее время Ли Жун был занят по горло, его нервы были натянуты как струны — и всё равно он заметил перемену в поведении друга.

«Да человек ли он вообще?»

— Разве нужно напрягать извилины, чтобы понять, о чём ты думаешь? — фыркнул Ли Жун и лениво откинулся на спинку сиденья.

Цэнь Сяо слегка коснулся губ, на которых всё ещё чувствовалось дыхание партнёра, а затем совершенно спокойно перевёл взгляд на Цзянь Фу:

— Раз закончил поражаться, вытри за собой йогурт.

Юноша опустил голову и увидел на сиденье белое месиво.

— ...

Следующие десять минут он прилежно оттирал пролитую жидкость с обивки и ковриков. Но как бы тщательно он ни тёр, в машине всё равно стойко пахло манго и ананасом.

Высадив Цзянь Фу вместе с горой грязных салфеток у ворот его дома, Ли Жун размял спину:

— Эх, Цзянь Фу всё-таки ещё ребёнок. Пьёт йогурт с таким диким содержанием сахара.

Цэнь Сяо удивлённо приподнял бровь:

— А ты разве не любишь сладкое?

Староста на мгновение замер, покосился на него и с самым серьёзным видом заявил:

— Я? Я потребляю сахар в разумных пределах.

Цэнь Сяо лишь коротко и многозначительно хмыкнул.

Оставшись один у ворот, парень тоскливо посмотрел на липкие салфетки в руке. В голове раз за разом прокручивалась сцена того, как Ли Жун целует Цэнь Сяо.

«Оказывается, двое мужчин тоже могут... вот так?»

«Почему у Ли Жуна это вышло так естественно? Словно в этом и не было ничего из ряда вон выходящего»

«Да и брат, судя по всему, был совсем не против»

Йогурт на руках стал противно липнуть. Цзянь Фу скомкал бумагу, чувствуя себя полным идиотом. Увидел, как люди целуются, и едва не лишился чувств — будто жизни не видел. Но в их маленькой компании он наверняка стал единственным свидетелем этого зрелища.

«Интересно, Линь Цинь тоже бы так удивился? Он ведь ещё более наивный»

«Хотя нет! Линь Цинь — актёр. В шоу-бизнесе такие темы не редкость, он наверняка в курсе подобных вещей»

Впервые в жизни Цзянь Фу был так загружен мыслями. Он уже потянулся к звонку на воротах виллы, но в последний момент отдернул руку. Нервно померив шагами тротуар, он швырнул мусор в урну, вызвал такси через приложение и помчался напрямиком к общежитию Линь Циня.

Закончив съёмки программы, Линь Цинь даже не остался на праздничный ужин и поспешил в университет. На следующий день у него были занятия, так что пришлось отпроситься у съёмочной группы.

Когда машина довезла Цзянь Фу до места, было уже пол-одиннадцатого вечера. В одиннадцать у первокурсников киноакадемии выключали свет и запирали двери, поэтому, когда Линь Циню позвонили, тот решил, что ослышался.

Сосед по комнате высунулся с кровати и подмигнул:

— Ого, наша звезда! Неужели папочки-рекламодатели приехали контракт подписывать?

Линь Цинь сердито сверкнул на него глазами:

— Хватит нести чушь. Это друг.

— Друг? — многозначительно протянул сосед. — В такое-то время? Подружка, что ли?

Юноша запнулся на мгновение, обулся и направился к выходу:

— А ты мне её подарил?

Сосед с живым интересом уселся поудобнее, скрестив ноги, и откинул полог кровати:

— Чего ты занервничал? Если не девчонка, зови его сюда. На улице ведь холодина.

Линь Цинь остановился.

И то верно. Март выдался прохладным, особенно по ночам, а перед их корпусом всегда гулял сквозняк — так и заболеть недолго. Сейчас ему болезни были ни к чему: съёмки шоу вошли в самую напряжённую стадию, финал не за горами. Будет обидно, если голос внезапно охрипнет.

К тому же он уже переоделся в пижаму, и ему было лень облачаться в уличную одежду. Цзянь Фу не впервой был в его комнате, да и соседи его знали.

Линь Цинь сел обратно за стол и быстро набрал сообщение:

[Может, поднимешься? Я уже в пижаме]

Цзянь Фу и сам толком не понимал, зачем он сюда припёрся. Тема, которую он хотел обсудить, была весьма деликатной.

«Может, виной всему был ледяной ветер, от которого заломило уши, а может — та самая фраза: "я уже в пижаме"»

Когда он вошёл в комнату, сосед Линь Циня разочарованно вздохнул и уткнулся в телефон. Он-то надеялся на тайный роман, а пришёл всё тот же школьный приятель.

Линь Цинь был в мягкой плюшевой пижаме, которая висела на нём довольно свободно. С тех пор как он решил стать актёром, он всегда старался оставаться стройным, но в последнее время начал заниматься силовыми упражнениями, чтобы прибавить в выносливости, и стал выглядеть чуть плотнее.

Гость невольно окинул его взглядом.

«Почему он носит плюшевую пижаму? Ну да, отопление отключили, из окон немного поддувает, и в комнате довольно свежо... Но разве мужчина может носить плюшевую пижаму?»

«Хотя... выглядит довольно мило»

Линь Цинь привычно открыл бутылочку йогурта без сахара, отпил немного и с недоумением спросил:

— Вроде же говорили, что всё уладили. Зачем ты пришёл так поздно?

Он боялся, что Цзянь Фу чего-то недопонял, поэтому специально звонил Ли Жуну. Тот пересказал ему сцену в ресторане, и только тогда Линь Цинь окончательно успокоился.

Цзянь Фу сглотнул, и его взгляд приковался к бутылочке в руках друга. Теперь любой йогурт ассоциировался у него с тем самым поцелуем в машине. Чем больше он об этом думал, тем сильнее его накрывало смущением, и он густо покраснел.

Линь Цинь застыл в недоумении. Как мужчина он, сколько ни ломал голову, не мог понять, с чего бы это приятелю вдруг заливаться краской. Он не видел в своих действиях ничего предосудительного, да и с мозгами Цзянь Фу тот бы вряд ли уловил какой-то скрытый подтекст, даже если бы он был.

Линь Цинь не знал, что сказать, поэтому просто сидел с бутылочкой в руках и снизу вверх смотрел на друга. Цзянь Фу уставился на йогурт, красный как варёный рак.

— ...

— ...

Сосед по комнате, собравшись в туалет, слез с кровати и, проходя мимо застывшей парочки, хмыкнул:

— Вы что, теперь телепатией общаетесь?

Линь Цинь неловко кашлянул, отставил йогурт в сторону и, нахмурившись, посмотрел на гостя:

— Да что ты хочешь сказать-то?

— А... я... это... Брат и Ли Жун, они вдвоём... — Цзянь Фу никак не мог выдавить из себя правду.

Сосед, уже стоя в дверях, бросил через плечо:

— Кстати, Линь Цинь, ты закончил разбор фильма «Горбатая гора», который старик Цзяо задавал?

Линь Цинь невозмутимо ответил:

— Закончил. Правда, вышло немного сыровато, времени совсем не было.

Цзянь Фу судорожно вдохнул:

— «Горбатая...» Ты... ты смотрел это?

Его лицо, едва начавшее остывать, снова запылало.

«Он этот фильм не видел и никогда не интересовался подобным кино, но... там же наверняка есть те самые сцены?»

Линь Цинь обычно держался спокойно, но такая бурная реакция друга заставила его почувствовать неловкость. Ему вдруг показалось, что в комнате стало тесно, а воздух стал густым. Он отвел взгляд, его ресницы мелко задрожали.

— Мы на актёрском учимся. Что нам только не приходится смотреть.

Цзянь Фу облизал губы и присел на край стола:

— На самом деле я только что... видел, как Ли Жун и мой брат...

В этот момент в общежитии разом погас свет. Цзянь Фу вздрогнул от неожиданности и проглотил окончание фразы. Лишь из коридора, сквозь щель под дверью, пробивался призрачный зелёный свет от указателя выхода, но в комнате стало настолько темно, что невозможно было разобрать лиц.

Юноша прижал руку к сердцу и выдохнул:

— Напугал до смерти. Что это было?

— В одиннадцать в общежитии отключают свет, — тихо отозвался в темноте Линь Цинь.

— Как-то это не по-людски, — проворчал Цзянь Фу. — У нас в кампусе провода тянут откуда угодно, свет никогда не гаснет. Ладно, отдыхай, я пойду.

— В одиннадцать двери тоже запирают, — вздохнул Линь Цинь. — Ты уже не выйдешь.

— И где мне спать? — ахнул Цзянь Фу.

— ...

В залитой мягким светом квартире Ли Жун, вымывшись и не переставая зевать, рухнул на огромную кровать. Он даже не успел застегнуть пуговицы пижамы, и воротник сполз с плеча, обнажая ключицу.

— Как же я устал...

Юноша в изнеможении шевельнул пальцами, его глаза полуприкрылись. Волосы, которые Цэнь Сяо только что насильно высушил феном, теперь беспорядочно рассыпались по подушке.

Цэнь Сяо забрался на кровать, обхватил любовника за талию и устроил его голову у себя на коленях, принявшись легонько массировать ему виски. Ли Жун прижался ладонью к его кубикам пресса и пробормотал:

— Не знаю почему, но когда я наконец получил то, чего так долго хотел, в душе появилась какая-то пустота. Словно всё это не по-настоящему.

От того, что Ли Жун играл с его прессом, Цэнь Сяо чувствовал лёгкую щекотку, но, видя, что тот погружён в свои мысли, терпеливо сносил это.

— Это значит, что ты ещё не наметил следующий шаг.

— Наверное, — задумчиво отозвался Ли Жун. — Нужно хорошенько отдохнуть и подумать, что делать дальше.

Спустя пару минут массажа он не выдержал:

— Как думаешь, Цзянь Фу расскажет Линь Циню, что мы целовались?

Цэнь Сяо взглянул на него сверху вниз:

— Зачем ты его провоцировал?

— Да кто его провоцировал, — фыркнул Ли Жун. — Он сам всё увидел, так что притворяться смысла не было.

— В плане чувств Цзянь Фу довольно прост, — заметил Цэнь Сяо. — Ему наверняка нужно время, чтобы это переварить.

Ли Жун глубоко вздохнул:

— Пусть переваривает. Ему всего двадцать, зачем ему эти любви? Пусть побудет один.

— Вот как? — усмехнулся Цэнь Сяо. — А кое-кто начал отношения довольно рано.

Ли Жун завозился, пытаясь уйти от темы. Его рука медленно скользнула по талии партнёра, он обхватил его обеими руками и прижался лицом к его животу:

— А массаж у тебя неплохо получается.

Видя, что юноша растянулся на нём, довольный как ленивый кот, Цэнь Сяо не сдержал улыбки:

— Рад стараться, женушка.

Веки Ли Жуна дрогнули. Он приоткрыл рот и чувствительно прикусил пресс Цэнь Сяо:

— Кого это ты назвал женушкой?

От укуса мышцы Цэнь Сяо напряглись, а на животе осталось мокрое пятно. Он взял Ли Жуна за подбородок и заглянул в его покрасневшие от сна глаза:

— Разве не ты первый назвал меня мужем?

Ли Жун с самым невозмутимым видом ткнул его пальцем в грудь:

— Неужели ты думаешь, что я всё ещё в том положении, чтобы виновато извиняться? В обычное время это ты должен называть меня мужем.

Цэнь Сяо хмыкнул, подхватил Ли Жуна и, заставив его скатиться с колен, накрыл одеялом:

— Сжигать мосты ты мастер.

Ли Жун тут же посильнее закутался в одеяло, чтобы Цэнь Сяо в порыве чувств снова не принялся его тискать:

— Это называется гибкостью. Всё, спать. Хватит с меня твоих игр.

<http://bllate.org/book/15351/1569929>